

комсомольцами (с. 153); вызывает сомнение вывод о том, что время от Сталина до Горбачёва — период стабильности (с. 233); сам Горбачёв был не министром сельского хозяйства, а секретарём ЦК КПСС, ответственным за эту сферу (с. 382).

Однако в целом мы высоко оцениваем труд нашего американского коллеги и желаем ему новых успехов на научном поприще. Книга должна, по нашему мнению, побудить отечественных историков и социологов заняться изучением с помощью методики устной истории других слоёв российского общества, чтобы получить максимально широкую картину сдвигов, происходивших в сознании советских людей в эпоху позднего социализма и перестройки.

Примечания

¹ См.: *Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986 (русское издание: *Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове*. Саратов, 1995); *idem. Experiencing Russia's Civil War: Politic, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton; Oxford, 2002.

² *Raleigh D.J. Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk About Their Lives*. Bloomington, 2006; *idem. Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford, 2012.

³ Бэйби-бумеры от английского «baby-boom» — компенсационное увеличение рождаемости, обычно наступающее после войны. Впервые этот термин был применён к американскому поколению, родившемуся во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

Евгений Кордин

Рец. на: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 p.*

Evgeny Kodin

(Smolensk State University, Russia)

Rec. ad op.: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014

В 2003 г. в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний американских историков об их приключениях во время посещения России (Советского Союза)¹. Двадцать авторов (в том числе Н.В. Рязановский, написавший учебник по российской истории, шесть раз издававшийся в США) представили читателю очерки с интересными, по их мнению, сюжетами о пребывании в нашей стране во время изысканий в её архивах и библиотеках.

Шейлы Фицпатрик среди них не было: возможно, потому, что её, выросшую в Мельбурне (Австралия), получившую образование и степень в Англии, работавшую в университетах США и вновь вернувшуюся на историческую родину, трудно отнести к

американским историкам. Однако в стороне от увлекательного жанра воспоминаний о далёком советском опыте она не осталась. В 2007 г. она рассказала о своих «первых шагах по российским архивам» в интервью редактору журнала «Критика...»², через несколько лет издала рецензируемую работу «Шпион в архивах...», а затем представила ту же тему в одной из статей³.

По поводу общей оценки замысла и содержания книги важно следующее: хотя она адресована западному учёному сообществу, но более полезной будет для российского читателя. Это издание — памятник советской эпохе полного недоверия, сокрытия тайн, недопущения к архивным материалам не только иностранных, но и отечественных исследователей, вселился

* *Фицпатрик Ш. Шпион в архивах: воспоминания о России эпохи холодной войны*. Лондон; Нью-Йорк: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 с.

чиновничьих «нет», «нельзя», перлюстрации архивных записей, безжалостного вырезания из пронумерованных тетрадей «компрометирующих» и персонифицированных данных. В таких условиях писать объективную историю страны было крайне тяжело, иностранцам — труднее в разы: холодная война и обоюдный образ врага делали своё дело.

Уникальность рецензируемого издания состоит в том, что оно представляет собой воспоминания, основанные на источниках, вызывающих безусловное доверие, — ежедневных дневниковых записях и многочисленных объёмных письмах Шейлы, отправленных матери в Австралию из Москвы, содержащих детальные характеристики, оценки людей и событий 1960-х гг. В итоге получилась честная, добрая книга, с эмоциями и переживаниями, без наслоений сегодняшнего дня. Своей непредвзятостью и объективностью работа Фицпатрик, безусловно, заслуживает издания на русском языке.

В книге много личного (вплоть до интимных отношений), но автор не переходит условной черты дозволенного — всё воспринимается как органическая часть жизни простого человека с его ежедневными чувствами и проблемами. Здесь нет признаний в любви к Советскому Союзу, благодарности за полученную возможность работать с архивными и библиотечными коллекциями, что в итоге позволило ей подготовить и успешно защитить диссертацию. Работа исследовательницы — о преодолении бытовых, бюрократических и идеологических трудностей советской действительности, без прикрас и лакировки. Картина предстаёт далеко не радужной, но параллельно показанный ею антисоветизм в умах и поведении части британской академической элиты вызывает гораздо большее неприятие, нежели необустроенность советского быта.

Фицпатрик выросла в Мельбурне, в семье, исповедовавшей левые взгляды. Самые достойные студенты Мельбурнского университета получали право дальнейшего обучения в Англии, преимущественно в Оксфорде и Кембридже. Среди них оказалась и Шейла. Получив приглашение сразу от двух университетов, она выбрала колледж Святого Антония Оксфордского университета, который сразу

её разочаровал: «Он оказался интеллектуально слабым (по крайней мере, в сфере моих интересов) и полным самолюбования и снобизма» (р. 2). Здесь считалось, что советскую историю следует писать, опираясь на сведения дипломатии и разведки, без привлечения каких-либо источников. А научный руководитель Фицпатрик Макс Хейворд, работавший до 1955 г. в британском посольстве в Москве, ставший персоной нон-грата, был ярким антикоммунистом.

Определив для своей будущей диссертации тему, посвящённую наркомуну просвещения А.В. Луначарскому, Шейла нуждалась в архивных материалах. К тому времени железный занавес холодной войны частично приоткрылся и академический обмен между СССР и Западом расширился. Так Фицпатрик оказалась в МГУ, где работала с сентября 1966 по июль 1967 г. Непривычный для неё быт в общежитии надо было как-то налаживать. Приведу лишь две из её многочисленных страноведческих зарисовок. Первая касается магазинов: «Покупки были настоящим кошмаром, с переполненными магазинами, полупустыми полками, давкой в очередях и неряшливыми, грубыми продавщицами: чтобы что-то купить, надо было вначале пробиться к прилавку, посмотреть, что там есть и сколько стоит, затем опять пробиться назад и занять очередь в кассу, заплатить и, в конце концов, стать в очередь в третий раз, чтобы отдать чек и получить свою покупку» (р. 63). Вторая зарисовка — об условиях работы в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) и Государственной библиотеке им. В.И. Ленина: «В архиве не было никакой еды, кроме того, что ты приносишь с собой, а еду в столовой библиотеки... описать просто невозможно» (р. 187). Здесь же в письме, адресованном матери, она указывает, что год, прожитый в Оксфорде до приезда в советскую столицу, был «наихудшим» в её жизни (р. 57). «Теперь Москва, — пишет Шейла, — стала моим городом... Я не хотела покидать Москву, и меня охватывал страх, когда я думала о возвращении в Оксфорд, где я была так несчастна» (р. 253, 263). Подобных оценок в книге немало, в том числе сравнительных, хотя сделанных и не специально.

Перед отъездом в Советский Союз, отмечает Шейла, британских студентов инструктировали, как избегать проблем с КГБ, настраивали на то, что любой, с кем они будут общаться в стране, мог оказаться шпионом. Им нельзя было заводить друзей, поскольку те, во-первых, также являлись шпионами, во-вторых, таковыми считали и всех иностранцев (р. 82). В книге приводятся примеры того, как сотрудники КГБ «отрабатывали» Фицпатрик в общежитии МГУ и архиве, как менялись судьбы молодых советских людей из-за их активных контактов с иностранцами. Но здесь же описаны и другие случаи. Так, показаны отношения Шейлы с семьёй И.А. Саца, который многие годы был литературным секретарём Луначарского и оказал ей бесценную помощь в правильном понимании событий, ставших предметом её исследования. На заданный ею вопрос, почему он не боится, что она шпионка, Сац со смехом отвечал: уж «шпиона узнал бы сразу» (р. 163).

Однако «настоящей шпионкой» Фицпатрик стала в 1968 г. — во время своей второй стажировки в Москве. В эту категорию её записала советская пресса как одного из западных учёных (которые «прикрываются научными исследованиями, а на самом деле занимаются дезинформацией, так же как агенты разведслужб»), «буржуазного шпиона» и «идеологического диверсанта» (р. 1). И не удивительно, заключает автор, то был период холодной войны, и «любой, работавший по теме Советского Союза, рисковал стать шпионом в глазах Советов» (р. 1). Но в отношении конкретно молодой австралийки отрицательную роль сыграло и учебное заведение, из которого она прибыла в Москву — на Западе и в СССР его считали «колледжем шпионов» (в нём работало много отставных сотрудников разведывательных органов).

Шейла стала одним из первых иностранцев, исследования которых основывались на советских архивных материалах. Западные историки, занимавшиеся Россией, обобщает она, оказывались «необыкновенно консервативны: всё ещё оставалось принятым считать, что российская история была остановлена революцией, а всё, что было после, относилось к сфере политологов» (р. 170). Фицпатрик оценивает это как «явное предубеждение», такое

же, как и неприятие в основных научных библиотеках каталожного раздела по Советскому Союзу. Поэтому вполне обоснованным представляется её утверждение: «Я была у истоков рождения нового научного направления: советской истории» (р. 171).

Правда, добиваться разрешения работать в архивах ей пришлось несколько месяцев. В книге описываются «бесконечные хождения по чиновникам, которые требовали всё новые и новые документы, и их совсем не волновало, сколько времени вы на это тратили» (р. 174). В итоге допуск в госархив она получила, но попасть в партийный архив Фицпатрик удалось... только через 20 лет.

Работу в архиве Шейла описывает так: «Каждый день я находилась там с самого утра и до закрытия, прерывая свою работу один раз за весь день, с тем чтобы сходить (вначале в сопровождении, потом без) вниз по лестнице в женский туалет» (р. 178). Поиск материалов осложнялся тем, что иностранным исследователям не выдавали описи и не позволяли пользоваться каталогами. Номера дел заказывались наугад или по ранее сделанным выпискам из сносок в прочитанных монографиях или диссертациях. Для иностранцев имелся отдельный читальный зал (советским исследователям вход туда был запрещён), помощи ждать было не от кого.

«Фонд Наркомпроса» ЦГАОР Фицпатрик называет «золотым дном», благодаря которому она «поняла, как работала советская система, и больше никто, потому что они никогда не видели советского госархива» (р. 184). Здесь она имеет в виду всех западных советологов, которые были уверены в монолитности системы государственного управления в СССР, что не соответствовало действительности. Каждое политическое решение, делает вывод автор на примере материалов «Наркомпроса», «принималось с боями», нередко по политико-идеологическим расхождениям (р. 183). И чтобы ни происходило на самом верху, следующий уровень советской политики «определялся конфликтом разных бюрократических интересов» (р. 185). Это были первые выводы Шейлы по результатам её работы в архиве.

«Самое лучшее для меня, — пишет автор, — было найти что-либо, о чём Советы

не хотели, чтобы я знала, а западные ястребы холодной войны не хотели слышать, поскольку это усложняло простую антисоветскую историю» (р. 209). В этом ключе интересны оценки Фицпатрик сложных недружеских отношений между известными британскими советологами — Леонардом Шапиро и Эдвардом Карром. Первый называл второго «просоветским миротворцем», а тот охарактеризовал своего оппонента как «эмигрантского ястреба холодной войны» (р. 288). Отсюда становятся понятными и их оценки диссертации австралийской исследовательницы, и многолетняя дружба последней с Карром.

«Лето в Оксфорде после моего возвращения, — вспоминает Шейла, — было ещё более худшим временем, чем годом раньше» (р. 278). Она вновь подала заявку на грант и во второй раз прибыла в Москву по студенческому обмену весной 1968 г. — опять в МГУ. К тому времени «Советская Россия» зачислила её в разряд «квази-шпионов» (р. 281). А Фицпатрик уже «приросла к Москве», хотя понимала, что здесь остаться не сможет, как и возвратиться в Австралию после смерти отца, и жить в Англии, где чувствовала себя несчастной. «Я находилась где-то между мирами, но я не знала, в каком направлении я двигусь, если я вообще куда-то двигалась» (р. 293). В третий раз она получила визу на поездку в Москву (на пять месяцев начиная с октября 1969 г.) и вернулась... в «ничем не изменившееся общежитие МГУ».

Результатом работы Фицпатрик в Москве стали её диссертация, посвящённая Луначарскому и Наркомпросу, книга «Коммисариат просвещения» (опубликована в

1971 г. в издательстве Кембриджского университета), статьи в престижных научных журналах, солидная документальная основа на базе материалов ЦГАОР, бесценный опыт человеческого общения и понимание Советского Союза изнутри.

Одновременно Шейлы не оказалось в числе тех, кого Советский Союз «атаковал как “буржуазных фальсификаторов” истории». В «так называемую объективную категорию» западных историков (наряду с Карром) её зачислили лишь потому, что, по мнению самой исследовательницы, в 1970-е гг. она попала в кагорту «ревизионистов» (р. 340).

«Была ли я в какой-то степени шпионом?» — в итоге задаётся вопросом Фицпатрик и отвечает, что с позиций советской стороны, скорее всего, да, поскольку хотела «знать о советской истории всё, включая и то, что Советы хотели бы скрыть» (р. 342). Сегодня Ш. Фицпатрик является желанной гостьей для любого российского университета и часто выступает с докладами на многих крупных научных форумах.

Примечания

¹ Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars From the Cold War to the Present / Ed. by H. Samuel Baron and Cathy A. Frierson. N.Y.; L., 2003.

² An Interview with Sheila Fitzpatrick // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 8. 2007. № 3 (Summer). P. 479–486.

³ Fitzpatrick Sh. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // The Russian Review. Vol. 74. 2015. Issue 3 (July). P. 377–400.